

18+

АНДРЕЙ ДЯГЕЛЬ

ГОЛУБЫ

Андрей Дягель

Голуби

«Автор»

2026

Дягель А.

Голуби / А. Дягель — «Автор», 2026

Сбежать от памяти нельзя. Остаётся примириться. Однажды потеряв себя, можно ли встретиться с собой настоящим даже через много лет? Честный и жёсткий рассказ о прошедшем пути от трудного ребёнка до человека, научившегося чувствовать чужую боль и сумевшего посмотреть себе в глаза. Ошибки, падения, круги ада. Подъём и новая глава. Если вы думаете, что уже поздно что-то менять – эта книга для вас. Если вы не знаете, с чего начать – эта книга для вас. Если вы не знаете, как растить сына – эта книга для вас. Для отцов настоящих и будущих. Для всех, кто ищет себя.

© Дягель А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
1. Голубь	7
2. Случайный человек	9
3. Прикуривай	11
4. Двоеночество	16
5. Гвоздь	18
6. Нужные люди из Райсобеса[1]	23
7. Ефрем	27
8. Ленинская комната	29
9. Барабан	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Дягель

Голуби

В целях защиты частной жизни все имена, фамилии и некоторые биографические детали персонажей этой книги изменены. События изложены так, как их запомнил автор, и не претендуют на документальную точность в части идентификации конкретных лиц. Любые совпадения с реальными людьми, живущими или ушедшими, непреднамеренны и случайны.

«Сбежать от памяти нельзя.

Остаётся примириться».

6 апреля 2026 года

Предисловие

Мне потребовалось полвека, чтобы встретиться с самим собой.

Многие из нас склонны винить себя во всех бедах. Кажется, что мы — единственная причина происходящих с нами несчастий. Другие, наоборот, возлагают вину на несовершенный мир, неправильных людей или случай. Истина, как всегда, где-то посередине. Но чтобы её познать, иногда требуется вечность.

Я совершил немало ошибок. Некоторые стали роковыми. Однажды я отказался брать на себя ответственность за свою судьбу и доверил её другим. За это мне пришлось заплатить высокую цену. Я прошёл через круги тюремного ада, оказался на краю пропасти, едва не потеряв самое дорогое — жизнь.

У каждого человека своя история жизни — неповторимая, особенная. В этой книге я поделюсь своей.

Я расскажу о том дне, когда потерял себя. О пути от трудного ребёнка, чьим единственным смыслом было разрушение, до человека, в ком чужая боль отзывается как собственная.

О том, какую колоссальную работу я проделал над собой, чтобы перестать зависеть от чужого мнения, начав полностью доверять собственному. Это сделало меня по-настоящему сильным и уверенным в себе. Я научился мыслить критически и выстраивать правильные причинно-следственные связи — максимально точно и эффективно.

О серьёзных проблемах в отношениях с женщинами — о том, как пытался в каждой увидеть родственную душу и как справлялся с разочарованием после очередной неудачной попытки. О том, как пришёл к пониманию того, что частая смена партнёров и измены коренились не в либидо, а в комплексах, приобретённых в юности.

Убеждён: любящие родители, прочитав эту книгу, смогут построить тот самый мостик доверия и принятия со своими детьми. Полученные знания помогут воспитать их цельными, самодостаточными, гармоничными личностями.

Эта книга станет проводником для молодых людей, начинающих свой жизненный путь, — даст ответы на многие волнующие вопросы.

Вне всяких сомнений, она будет полезна тем, кто хочет разобраться в собственных чувствах и переживаниях, а кому-то поможет вновь обрести себя.

Эту книгу я написал и для своих детей. В ней — концентрат моего жизненного опыта. Изучив его, они смогут избежать повторения моих ошибок. Это уберёжёт их от многих бед и потрясений, наполнит смыслом и радостью каждый прожитый день.

У меня нет морального права учить или наставлять. Я лишь хочу рассказать о том, как делать не надо, и о том, что, на мой взгляд, наиболее ценно и важно.

Даже если всего один человек на Земле, прочитав мою книгу, станет счастливее, я буду считать, что жизнь прожил не зря.

1. Голубь

Каждый раз, возвращаясь мыслями в тот злополучный день, я чувствую нестерпимую боль, пронизывающую всё тело, будто одновременно тысячи иголок вонзаются мне под кожу.

Я пытаюсь убежать от своей памяти, но она всегда оказывается быстрее.

Пытаюсь спрятаться от неё, но не нахожу себе места.

В такие моменты мне кажется, что было бы лучше и вовсе жить без памяти, но это она решает, когда прийти, чтобы предъявить мне неоплаченные счета.

Я помню тот день до мельчайших деталей. Пришёл домой из школы и долго сидел у окна, разглядывая пробегающих мимо прохожих. Прокручивал в голове план, который собирался осуществить, но некая невидимая сила сдерживала меня, мешала собраться с мыслями. Но я всё же решился сделать это.

Оделся, взял деньги из шкафа и вышел на улицу.

Направился в булочную, находившуюся рядом с домом. Там всегда продавали вкусный, свежее испечённый хлеб, и местные мальчишки гурьбой забегали туда после школы. Они покупали батон и съедали его на улице, заодно угощая сновавших повсюду голубей.

Эти прекрасные голуби... Их там всегда было много. Завидев очередного мальчугана с куском хлеба, они тут же слетались на угощение.

Я знал, что сделаю всё без труда, что смогу обмануть их — они были слишком доверчивы, ведь никто раньше не причинял им зла.

Прохожие не обращали на меня внимания. Никому и в голову не могло прийти, что через несколько минут маленький мальчик превратится в чудовище.

Я купил в магазине булку, вышел на улицу и стал кормить голубей, слетевшихся ко мне со всего двора. Помню, как от страха билось сердце и тряслись руки, когда один из голубей подошёл ко мне почти вплотную. Я бросился вперёд и схватил его обеими руками.

Его судьба была предрешена.

Я убежал за кирпичные гаражи, находившиеся неподалёку, и какое-то время стоял неподвижно, почти не дыша. Мне казалось, что кто-то непременно догадался о моих намерениях и гонится за мной.

Я смотрел на голубя, тот бился в моих руках, всё ещё надеясь вырваться на свободу. Его глаза наполнились страхом от предчувствия неминуемой смерти. Думаю, он понял, что это были его последние минуты.

Убедившись, что никого нет рядом, я расправился с несчастным пернатым, имевшим неосторожность довериться мне.

Словно обезумевший, я бил его головой об угол гаража и не мог остановиться до тех пор, пока не почувствовал, как голубь обмяк в моих руках и больше не оказывал сопротивления.

Внезапно я почувствовал резкую, пульсирующую боль в висках. Боль была настолько сильной, что потемнело в глазах. Казалось, будто я переместился в параллельную реальность — в вакуум и абсолютную тишину, утратив связь с внешним миром.

Очнувшись, я обнаружил, что стою на коленях. Рядом неподвижно лежал голубь, его сердце не билось.

Мои руки и одежда были в крови, меня охватила паника. Я начал задыхаться. Мне хотелось закричать, но, словно рыба, выброшенная на сушу, я открывал рот, но не смог произнести ни слова. Я пытался встать и убежать, но тело меня не слушалось, будто к ногам привязали пудовые гири.

Через какое-то время я оказался дома. Мама, увидев, в каком я состоянии, закричала на меня. Она подумала, что я подрался с мальчишками на улице.

Это был не единственный случай...

Я делал это ещё и ещё.

Но запомнился — первый.

До сих пор отчётливо вижу перед собой глаза этого голубя, будто всё произошло только вчера.

* * *

Психика защищает нас от травмирующих воспоминаний, помогая не сойти с ума. Она вычёркивает из памяти события прошлого, отсекая ненужное и оставляя преимущественно то, что радует и согревает. Удивительная избирательность.

Но в этот раз защитные механизмы психики дали сбой: я стал видеть во сне голубя, чью жизнь недавно забрал. Он приходил почти каждую ночь, и я слышал его воркование.

Проходя по улице, я на миг останавливался возле стаи голубей, и мне казалось, что они смотрят на меня так, будто хотят что-то сказать.

В какой-то момент это стало невыносимо. Детская психика не выдержала такой нагрузки и полностью вытеснила из памяти события того дня.

На время боль стихла, но лишь для того, чтобы позже вернуться.

2. Случайный человек

У меня была обычная, среднестатистическая советская семья. Мама работала в детском саду, папа — официантом в ресторане. Сейчас я понимаю, насколько разными были мои родители. Мама — совсем ещё юная девушка, восемнадцатилетняя комсомолка, которая строила своё светлое будущее с моим папой — по сути, откровенным прохвостом и беспринципным типом. Он был равнодушен ко всему происходящему, оставался глухим к чужой боли и абсолютно бесчувственным к переживаниям своей супруги.

Круг его интересов ограничивался деньгами, вином и женщинами. Напиваясь до чёртиков, он забывал о последних нормах приличия и флиртовал с другими женщинами на глазах у мамы. Даже день их свадьбы не стал исключением.

Мама не могла сильно веселиться и плясать из-за большого живота — она была на девятом месяце беременности мной. Зато папа ни в чём себе не отказывал. Он был весел и энергичен: приглашал поочерёдно маминых подруг на медленный танец и без всякого стеснения прижимался вплотную и залезал под юбку каждой на виду у всех.

В защиту мамы скажу несколько слов. Она была ещё совсем девочкой — студенткой педагогического училища из бедной семьи. У них даже не было своей квартиры. Мама жила в одноэтажном деревянном бараке вместе со своей мамой и крёстной.

В бараке было много комнат, в которых проживало множество разных семей. Кухня была одна на всех, и жильцы пользовались ею по расписанию. У единственной уборной часто выстраивалась очередь: люди спорили, кто за кем занял место. Случалось, доходило и до драк.

Мамина семья жила на грани нищеты. Денег не хватало всегда и на всё.

Отец моей мамы жил в деревне и редко навещал её. Кроме того, он уклонялся от своих прямых обязанностей — уплаты алиментов, видимо, считая, что жить хорошо можно и без денег.

Так сложилось, что маму отдали в интернат. Она находилась там шесть дней в неделю, и только по воскресеньям её забирали домой.

Конечно, она испытывала дефицит внимания. Она была недолюбленным ребёнком.

Как любая девочка, мама мечтала стать принцессой и встретить принца на белом коне. Этим принцем для неё стал мой отец.

Он красиво ухаживал: дарил цветы, делал дорогие подарки и постоянно возил её на такси, что по тем временам считалось большой роскошью. Он был, как тогда говорили, «человеком со связями».

Папа работал в гостинице «Интурист», и дома у мамы стали появляться такие продукты, о которых советский человек мог только мечтать. От деликатесов ломился холодильник.

Соседи по барaku приходили к маме полакомиться вкусеньким: красной икрой, дорогой колбасой, севрюгой, ананасами — а заодно выкурить по импортной сигарете. Папа дарил их маме, хотя она не курила.

От такого внимания и заботы у мамы кружилась голова, и она без памяти влюбилась в моего будущего отца.

Свадьбу отмечали в гостинице «Националь», где останавливались исключительно иностранцы или «важные шишки». Богатая, аристократическая обстановка, изобилие дорогих напитков и изысканных блюд, живая музыка. Папа любил пустить пыль в глаза, и в этом ему не было равных.

Маме казалось, что ей всё это снится, и она боялась открыть глаза. Но «проснуться» всё-таки пришлось...

Ближе к полуночи папа был уже изрядно пьян. По его просьбе музыканты запели заводные цыганские песни, а папа, охмелев от радости, залез на стол и начал на нём плясать.

Он не замечал, как наступает на тарелки с едой и опрокидывает бокалы с шампанским — по всей видимости, поймал кураж и не мог остановиться.

Закончился этот шабаш только под утро. Папа уснул прямо за столом, лицом в тарелке с оливье.

Кто-то из гостей помог вытащить папу из-за стола и усадить в такси, но по дороге ему стало плохо, и с первого раза сделать это не удалось. Его тошнило, и рвотными массами он испачкал ковры в ресторане, холле и фойе гостиницы.

Для мамы всё случившееся в тот вечер стало холодным душем. Она не знала, что делать и как себя вести. Тогда она ещё и подумать не могла, какие сюрпризы ждут её впереди.

Утром мама устроила папе скандал со сценами ревности, обвинив в измене. Но он, как ни в чём не бывало, всё отрицал — утверждал, что ей привиделось.

Маминих подруг он называл ведьмами, «ведь они завидуют её женскому счастью, и поэтому верить им нельзя».

Время от времени мы с мамой вспоминаем то время. Иногда с улыбкой, иногда со слезами.

Я безумно благодарен ей за всё, что она для меня сделала. Она отдала себя без остатка, чтобы поднять меня на ноги — одна, без чьей-либо помощи. Она мой самый родной и любимый человек на Земле.

Была ли в том, что с ней произошло, доля её вины? Считаю, что нет.

Мама росла в обстановке, где был исключён — как сейчас говорят — личностный рост. Всё её окружение — члены семьи, друзья и даже школьные учителя — были людьми неуверенными в себе, зависимыми от чужого мнения, неспособными принимать собственные решения. Да простят они мне мою прямоту!

К моему большому сожалению, маме не повезло встретить человека, способного нести ответственность за свою судьбу и быть примером для других.

Более того, любая инициатива, которую проявляла мама, не встречала поддержки у близких, а рядом не было никого, кому можно было бы довериться.

Не каждый взрослый человек способен в одиночку справиться с трудностями в жизни, а что уж говорить о ребёнке?

Никто не объяснил моей маме, что только мы сами — кузнецы своего счастья, а жизнь — не игра в рулетку, а совокупность определённых действий, приводящих к тому или иному результату.

У мамы не было возможности разобраться в себе и сделать правильный выбор, поэтому она и связала свою жизнь со случайным человеком.

3. Прикуривай

Каждое лето мы ездили на море. Это было самое счастливое время в моей жизни. И не потому, что я безостановочно купался и загорал. Главным для меня было то, что в эти минуты я находился в кругу своей семьи — любимых и важных для меня людей.

Шум вокзала, запах шпал. Папа с чемоданами в руках, а мы с мамой, навьюченные множеством целлофановых пакетов, бежим следом. Вспоминаю это с особым трепетом.

Мы всегда приезжали на вокзал намного раньше, потому что маме казалось, будто мы опаздываем и поезд может уехать без нас.

В отличие от отца, который в любой ситуации сохранял спокойствие и рассудительность, мама была и остаётся тревожным человеком. Она находит повод для тревоги даже там, где его нет.

Мои родители, конечно, полные противоположности — удивительно, что их жизненные пути вообще пересеклись.

Мама — эмоциональная и впечатлительная. Её было легко обидеть и вывести из равновесия. Она часто плакала, если кто-то вдруг сомневался в её честности или искренности.

Папа же, наоборот, руководствовался принципом: «Люби себя, чихай на всех — и в жизни ждёт тебя успех». Ему было глубоко безразлично, что о нём думают окружающие, а о таком понятии, как репутация, он имел смутные представления.

Несмотря на это, пока мы жили вместе, папа всё делал для семьи. Он был, что называется, настоящим добытчиком. У него везде были «свои люди», и он мог договориться с кем угодно.

Даже в критических ситуациях он находил решения.

* * *

Здесь я забегу вперёд и расскажу одну историю.

Мама лежала в больнице, и я остался с папой. Однажды днём я вернулся из школы и делал уроки, когда заявился папа с друзьями. С ними были девушки — как сейчас говорят, «с пониженной социальной ответственностью».

Они пили вино, слушали музыку, пели и плясали. То, что за стеной ребёнок, никого не смущало.

Мне было сложно делать уроки в такой обстановке, и, отложив учебники, я стал смотреть в окна соседнего дома.

Увидел, как родители с детьми собираются за кухонным столом, оживлённо общаются и смеются. У них господствовала атмосфера семейной гармонии, и я им завидовал.

* * *

К полуночи гости разошлись. Я заглянул в большую комнату и увидел папу — он лежал в бессознательном состоянии на кровати, уснув прямо в одежде. По всей комнате были разбросаны бутылки и окурки.

Я облегчённо вздохнул и пошёл спать.

Утром, как обычно, я собрался в школу. Умылся, приготовил себе завтрак, надел школьную форму со значком октябрёнка — раньше все были октябрятами — и вышел из дома.

Мы жили на восьмом этаже, а этажом ниже жила тётя Клава, которая работала поваром в школьной столовой.

Я сел в лифт, но до первого этажа доехать не успел. Двери лифта открылись, и передо мной стояла тётя Клава.

Как только она зашла в кабину, на меня обрушился поток ненормативной лексики. Она говорила про отца всякие гадости, а в конце попросила передать ему, чтобы на глаза не попадался, иначе пожалеет. Используя нецензурную брань, она угрожала причинить ему тяжкие телесные повреждения, в подробностях описывая, как сделает это.

В чём же была причина этой агрессии? Что могло вызвать такую звериную злобу в человеке, которого раньше я считал божьим одуванчиком?

Как оказалось, находясь в состоянии алкогольного опьянения, папа перепутал балкон с туалетом, либо путь из комнаты в туалет показался ему сложным квестом. Он решил не усложнять: вышел на балкон и там справил нужду.

Всё, может, и осталось бы незамеченным, но как раз в это время тётя Клава развешивала на балконе свежевystиранное бельё. И все её труды оказались напрасными.

Она просила отца прекратить, но он остался глух к её мольбам. Стоя с закрытыми глазами, словно в трансе, он довёл начатое до конца.

Я выслушал эмоциональный рассказ тётки Клавy, не зная, что ответить. Я был ужасно напуган и не понимал, в чём моя вина.

Мы доехали до первого этажа, и она выбежала из лифта.

Постояв какое-то время в подъезде и немного придя в себя, я вышел на улицу и поспешил в школу.

* * *

На следующий день я увидел в коридоре пакеты, доверху набитые деликатесами и импортным алкоголем. Они предназначались тётке Клаве, из чего я сделал вывод, что их встреча с отцом всё-таки состоялась.

Инцидент был исчерпан. Желание полакомиться вкусным заставило тётю Клаву переступить через собственное достоинство, что впоследствии сыграло с ней злую шутку: месяцем позже папины друзья вынесли ей дверь — перепутали этажи.

Уже тогда я сделал вывод: любые дела с подлецами и безответственными людьми рано или поздно плохо заканчиваются. И лучше даже не пытаться встать на этот тонкий лёд.

* * *

...Но вернёмся к приятным воспоминаниям о нашем семейном отдыхе.

Я помню, как мы заходили в вагон, открывали дверь купе, раскладывали полки, а после проверки билетов проводник предлагал нам чай.

Она приносила его в железных подстаканниках, и это вызывало у меня восторг. Сейчас, если я еду в поезде, первым делом прошу проводника принести мне чай в таких же железных подстаканниках. В эти минуты я мысленно возвращаюсь в детство, в то далёкое время безграничной любви и радости.

Через пару станций мама доставала из сумок еду: жареную курицу, варёную картошку, огурцы, помидоры и хлеб. Она старалась, как могла, словно птица вила своё гнёздышко, и неимоверно жаль, что её старания не были оценены по достоинству.

Хотя иначе и быть не могло.

В любых отношениях нужно сразу, на старте, расставлять акценты и выстраивать границы дозволенного. Сложно догонять ускользающий поезд в надежде запрыгнуть в последний вагон. В подавляющем большинстве случаев результат будет один — «сломанная нога».

Если вы находитесь в токсичных отношениях, нужно найти в себе силы вовремя их закончить и «купить себе билет на другой поезд». Вполне вероятно, что он стоит на соседнем перроне.

* * *

...Очень часто мы ездили на море впятером. К нам присоединялись папина сестра с мужем. Дядя Боря казался мне тогда великаном. Он и правда был высоким и сильным. Я очень любил его, он был мне по-настоящему дорог.

Как-то вечером мы пришли с моря, сидели на кухне, пили чай. Неожиданно для меня папа рассказал дяде Боре, что я иногда ворую сигареты из домашнего бара. Мне стало так неловко, что я готов был провалиться сквозь землю.

Я думал, что дядя Боря начнёт учить меня жизни и объяснять, что воровать плохо. Но вместо этого он взял со стола пачку сигарет, протянул мне и сказал:

— Бери одну.

Я подумал, что ослышался. Смотрел на родителей, но по выражению их лиц понял: они тоже в шоке. С трёх лет я болел бронхиальной астмой, приступы удушья случались часто. Однажды я едва не умер — вовремя приехала скорая, и меня откачали.

Дядя Боря об этом знал, поэтому его предложение стало для всех полной неожиданностью.

Он неподвижно смотрел на меня, следил за моей реакцией. Я понимал, что не имею права облажаться. Я хотел, чтобы он увидел, что я — настоящий мужчина, а не жалкий трус. Я хотел его признания.

Стараясь скрыть неуверенность, я достал из пачки сигарету. Мама схватилась за сердце — понимала, чем это может кончиться, но дядя Боря её успокоил, пообещав, что всё будет в порядке.

Он поднёс зажигалку и строгим голосом произнёс:

— Прикуривай.

Я выполнил его требование, и после первой затяжки меня разобрал кашель, что было ожидаемо.

Прошло несколько секунд, и дядя Боря велел затянуться ещё раз. Я сделал, как он просил: голова закружилась, но я старался не подавать вида и держался. Так продолжалось, пока я не выкурил сигарету до конца.

После этого дядя Боря спросил, хочу ли я ещё, и положил передо мной пачку.

Инстинкт самосохранения взял верх, и я понял, что проиграл эту битву.

Сложно передать, что я испытывал в тот момент. Я был подавлен и разбит. Осознал, насколько жалким я выглядел в своём стремлении быть как все, но изменить что-либо тогда не мог.

Наверное, я бы ещё долго занимался самобичеванием, но дядя Боря протянул мне руку и твёрдым голосом произнёс:

— Ты молодец! Не струсил! Но никогда больше не делай того, чего тебе не хочется, даже если все будут просить. Если у тебя будет своё мнение и ты научишься его отстаивать — заслужишь уважение. А если пойдёшь на поводу у толпы — рано или поздно всё потеряешь.

Тогда я не до конца понимал суть сказанного — мне потребовались долгие годы, чтобы усвоить этот первый жизненный урок.

* * *

Рано утром мы все вместе шли на море, расстилали покрывала и готовились к первому заплыву. Утро мне особенно нравилось. Из-за горизонта поднималось солнце, и можно было понежиться в его тёплых, ласковых лучах. Вода ещё не успевала прогреться и была холодной, но это нас не останавливало.

Папа, я и дядя Боря с разбегу ныряли и плыли, стараясь обогнать друг друга. Вода обжигала кожу, и от этого мы громко кричали, привлекая внимание отдыхающих. Они смотрели на нас с улыбкой и искренне радовались.

После завтрака взрослые садились играть в карты. В этой игре дяде Боре не было равных. Он выигрывал партию за партией, и никто не мог понять, как он это делает.

Он пристально всматривался в каждого игрока, словно пытаясь заглянуть ему в душу и прочесть мысли.

А ларчик просто открывался. Как оказалось, дядя Боря смотрел не на игроков, а на их солнцезащитные очки, и в отражении он видел все карты. Шуму было! Все потом смеялись, отдавая должное изобретательности дяди Бори.

Вечером, когда мы шли на ужин, дядя Боря подошёл ко мне и с улыбкой на лице спросил: — Как я их сегодня?

Я смотрел на него с восхищением и благодарностью: никто из взрослых прежде не разговаривал со мной как с равным. Я видел в нём настоящего, искреннего друга, на которого всегда можно положиться...

* * *

К сожалению, в детстве мне не удалось выстроить в своей семье отношения такого уровня. Мама делала для меня всё возможное и невозможное: заботилась обо мне, не спала ночами, когда я болел, окружала любовью. Но в силу юного возраста и отсутствия жизненного опыта она не могла знать, как правильно выстроить между нами тот мостик доверия и принятия, о важности которого я часто повторяю...

С отцом у меня вообще не было контакта. Мы не ходили с ним гулять, не гоняли мяч во дворе, как другие мальчишки со своими отцами, и никогда не разговаривали по душам.

— Ты воспитатель, вот ты и воспитывай, — отвечал он маме.

Удивительно, но существуют люди, которым никто не нужен, которые никого не любят и не нуждаются в любви. Они плывут по течению, не прилагая усилий, чтобы изменить свою жизнь, сделать её лучше. Их и так всё устраивает.

Может, в этом и есть своя философия, но совершенно точно это было не то, в чём я нуждался.

Как мне хотелось, чтобы отец, несмотря на загруженность и проблемы, подошёл, обнял и спросил, как у меня дела, как прошёл день... Не мимоходом, для видимости, а по-настоящему, искренне. Просто сел бы и поговорил по-мужски. Тогда бы в старости ему не пришлось обижаться на меня за редкие звонки и дежурные вопросы, которые я задаю, параллельно листая ленту новостей.

* * *

... После ужина мы шли на танцы. Дядя Боря танцевал лучше всех — девушки устремляли на него взгляды, как только он появлялся на танцполе. А если он приглашал кого-нибудь

на медленный танец и супруга не возражала, то вёл себя прилично и оставался джентльменом — в отличие от отца.

После танцев мы шли домой, наслаждаясь прохладным морским воздухом, сладким запахом южных цветов и деревьев.

Это было незабываемо.

4. Двоеночество

Был у меня друг Михаил — умнейший человек. Каждый раз, когда я был в его компании, испытывал огромное удовольствие от общения.

Он был ярким и нестандартным человеком.

Все комнаты в его доме были заставлены стеллажами с книгами. Тонны книг. Что-то лежало на полу в коробках — это была преимущественно научная литература.

Как-то я спросил его: была ли там хоть одна книга, которую он не прочёл?

— Карла Маркса ещё не до конца дочитал, — ответил он.

Михаил постоянно генерировал идеи. Некоторые казались мне абсолютно безумными.

Однажды я делал дома ремонт и раздумывал, какие обои купить. Михаил тут же сказал, что у него есть свежие идеи на этот счёт и думать мне больше не о чем.

Идея его заключалась в следующем: в квартире нужно углубить пол, заполнить водой и запустить туда рыб, накрыв их специальным небьющимся стеклом — по принципу аквариума. Эдакие Мальдивы.

Кровать он хотел сделать из толстого бамбука, а тонкий пустить по стенам и потолку. Сверху, согласно его дизайн-проекту, должны были свисать тропические лианы. Видимо, так он себе представлял место, где должен засыпать и просыпаться обыкновенный человек.

Стараясь его не обидеть, я нашёл нужные слова и вежливо отказался, поблагодарив за заботу.

Был случай: один серьёзный и влиятельный бизнесмен пригласил его на день рождения. Михаил позвал меня с собой за компанию.

Этот человек высоко ценил ум Михаила и его предпринимательские навыки. Несколько раз он давал Михаилу крупные суммы на очередной бизнес-проект.

Михаил, согласно их договорённостям, без промедления начинал действовать, но каждый раз не доводил начатое до конца и срывался в крутое пике. Тогда его можно было застать в ночном клубе — исполняющим па на барной стойке в компании танцовщиц go-go.

Он брал от жизни всё. Угощал всех без разбора и денег не жалел.

Именинник верил в Михаила и надеялся на успех их общего дела, поэтому не только не прекращал финансирование, но и увеличивал вложения.

Михаил умел к себе расположить.

Зная страсть именинника к старинным книгам, он привёз ему одну из своей домашней коллекции — раритетную книгу XIX века. И произвёл этим настоящий фурор.

Гости поздравляли именинника, очередь дошла до Михаила. Он произнёс тост, услышав который, я замер от неожиданности.

Именинник тогда переживал глубокий семейный кризис и был в процессе развода. Его психоэмоциональное состояние было близко к депрессивному.

И знаете, что пожелал ему Михаил?

Он пожелал ему одиночества!..

Да, именно так. Одиночества!

После произнесённого Михаилом тоста в зале повисла гробовая тишина. Присутствующие в изумлении смотрели на Михаила, ожидая объяснений. Он, конечно, не заставил их ждать.

— Есть два вида одиночества, — начал объяснять свою теорию Михаил. — Одиночество и двоеночество. Когда человек испытывает одиночество, у него есть возможность побыть наедине с самим собой, разобраться в своих чувствах и подумать о том, как жить дальше. Именно в такие сложные времена приходят решения — идеи, способные изменить жизнь.

Великие потрясения порождают великую силу. Человек, переживший одиночество, становится сильнее и знает, как помочь другому, оказавшемуся в подобной ситуации. Ведь истинное счастье заключается не только в том, чтобы брать, но и в том, чтобы отдавать.

Но есть и другой вид одиночества — двоеночество.

Оно обладает разрушительной силой и не несёт ничего, кроме боли и несчастья.

Жить под одной крышей с нелюбимым человеком, с которым общего осталось меньше, чем у кошки с собакой, — не просто ошибка, а преступление. Преступление против себя и против того, кто когда-то был тебе близок.

От любви до ненависти, как известно, один шаг, обратно — пропасть. Важно суметь отпустить прошлое ради будущего.

Поэтому я желаю тебе одиночества! Только, пожалуйста, не задерживайся там надолго! — закончил Михаил.

Все в зале поднялись и громко зааплодировали.

Глаза именинника наполнились слезами. Он подошёл к Михаилу и крепко обнял его.

Несмотря на острый ум, Михаил оставался крайне доверчивым и ранимым.

На дворе стояли девяностые. Тотальный разгул преступности и безнаказанности. И, по канонам жанра, Михаил попал в поле зрения людей, игнорировавших закон.

Они затуманили его разум поддельным вниманием и мнимой заботой — приняли в «семью», а он разрабатывал для них схемы незаконного обогащения.

Чтобы удержать и подчинить его своей воле, эти люди шли на любые ухищрения: безвозмездно давали деньги, дарили дорогие машины, приглашали в рестораны.

Но, видимо, посчитав эти методы недостаточно крепкой верёвкой, они подсадили его на запрещённые препараты.

Я пытался вытащить его из этого дерьма, брал с собой в зал на тренировки. Он периодически «приходил в себя», но затем срывался. И так раз за разом. Это оказалось сильнее его.

Как и я, Михаил вырос без отца. Вернее, отец был, но номинально — участия в его жизни не принимал. Родители были давно в разводе и не общались. Михаил тяжело переживал это и чувствовал себя глубоко одиноким.

Он нуждался в отцовской любви и сильном плече, на которое всегда можно опереться. Впрочем, как и я...

За время нашей дружбы с Михаилом у нас никогда не возникало разногласий. Был лишь единичный случай — неприятный разговор, о котором я стараюсь не вспоминать.

Михаил предложил мне попробовать запрещённые препараты.

Я расстроился, услышав это. Неужели он хотел, чтобы и я упал в ту же яму? Я собрался уходить, он остановил меня в дверях и попросил прощения.

— Тебе респект, что отказался, — сказал он.

— У меня хороший учитель, — ответил я.

* * *

Спустя какое-то время Михаил ушёл из жизни. Остановилось сердце. Однажды он уснул и не проснулся. Ему не было и тридцати.

Вместе с ним умерла и часть меня.

Я часто его вспоминаю. Мне не хватает наших диалогов — мы могли говорить часами.

Покойся с миром, дорогой друг! Великий мыслитель и талантливый дизайнер.

5. Гвоздь

Многие родители сознательно избегают разговоров с детьми об интиме. Им кажется, что дети перестанут видеть в них авторитет. Поэтому они предпочитают дистанцироваться и выбирают роль учителя, а не друга. Такие родители и сами выросли в пуританских семьях, где на подобные темы было наложено табу. Они не представляют, что отношения могут быть другими.

Другие родители проявляют обыкновенное безразличие. Думают, что дети и без их помощи найдут ответы на интересующие их вопросы.

По своему опыту знаю: детям крайне важно видеть в родителях искренних друзей, с которыми можно поделиться и радостью, и печалью, и переживаниями, и страхами; поговорить о наболевшем, зная, что тебя поймут, не осудят, дадут такой нужный совет.

* * *

Помню, в детстве, во время просмотра фильма, где случались романтические сцены и актёры целовались, мама молча вставала с дивана и переключала на другую программу.

И это учитывая тот факт, что это было советское кино — целомудренное, где нет особого простора для фантазии. С той же страстью, с какой на экране целовались герои, я, будучи взрослым, целовал в нос свою собаку.

Актёры в тех фильмах невероятно смешно вытягивали губы трубочкой и прижимались ими друг к другу. Сцены, ещё более смешные в этом контексте, я наблюдал в пионерском лагере, когда девочки с мальчиками целовались через носовой платок.

Во время просмотра таких сцен я замечал, как неловко становилось маме: она переживала, стыдилась и, возможно, боялась, что увиденное может плохо на меня повлиять.

Я остро чувствовал её смущение и непроизвольно перекладывал часть вины на себя. А моя вина заключалась лишь в том, что я оказался в ненужном месте и в ненужное время, и теперь маме приходится краснеть и отводить взгляд. Комично выглядело и то, как мама делала вид, будто ничего не произошло. От этого мне становилось невыносимо. Я хотел ей помочь, но не знал как.

На протяжении многих лет я испытывал стыд за чужие ошибки и дурные поступки — даже за тех, с кем был едва знаком. Я проделал огромную работу над собой, чтобы избавиться от этого комплекса.

* * *

Жёсткие запреты, ложный стыд, безразличие родителей в столь деликатных вопросах — всё это приводит к тому, что доверие между ними и детьми оказывается подорванным. Восстановить его будет крайне сложно, если вообще возможно.

Дети, которые не могут делиться самым сокровенным с родителями, будут искать тех, кто выслушает и поддержит.

В моём случае это закончилось тем, что я попал в компанию, где у молодых людей были искажённые представления о том, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной. Я скопировал их модель поведения и, как следствие, потерял несколько десятилетий, прежде чем осознал тупиковость этого подхода.

Я отталкивал замечательных, умных и достойных любви девушек, а притягивал их полные противоположности. Стоит ли удивляться, что я не был счастлив ни в одних отношениях?

Бывало, я приходил в гости к друзьям и видел, с какой нежностью их родители относятся друг к другу. У меня это вызывало одновременно восторг и удивление, потому что мой отец никогда не обнимал при мне маму, не говорил ей нежных слов, не признавался в любви.

Сложно переоценить, насколько это важно для ребёнка. Я часто видел, как маленькие дети кричали от радости при виде родителей в объятиях друг друга. Родители не стеснялись своих чувств, не прятали их от детей. И дети вырастали свободными, незакомплексованными людьми, готовыми дарить радость и счастье другим.

* * *

Наверняка вы знакомы с семьями, где дети грубо разговаривают с родителями — и особенно с матерями? Они видят, как отец относится к матери: унижает, оскорбляет, не считается с её мнением, самоутверждается за её счёт. Дети берут пример с отца: думают, что им тоже так можно.

Как правило, в таких семьях отец так же относится и к детям, давая понять, кто в доме хозяин. Дети, не в силах противостоять отцу, срывают злость на матери. А она однажды допустила роковую ошибку: не дала отпор хамству мужа — и теперь пожинает последствия проявленной слабости. Мать, безусловно, несёт долю ответственности за происходящее в семье.

Её стратегия умиротворения и непротivления оказалась неверной. Оскорбления перерастают в побои, становясь закономерным продолжением этой страшной цепи.

Женщина какое-то время терпит, но потом срывается и «уничтожает» ребёнка — морально, а иногда и физически. Вырваться из этого порочного круга бывает крайне сложно, но при желании — возможно. Нужно просто начать разговаривать.

Общение не должно быть формальным и поверхностным: дети интуитивно считывают ложь и в дальнейшем будут воспроизводить модель поведения родителей. Только искренний интерес к жизни каждого члена семьи поможет построить тот самый мост доверия, о котором все мечтают, но для которого часто делают недостаточно.

* * *

Ребёнку трудно бороться с превосходящими его родителями и противостоять грубому давлению.

Выхода, как правило, два: либо агрессия, проявляемая ребёнком вне дома, либо депрессия и замыкание в себе. И то, и другое разрушительно.

Детская психика не выдерживает, и ребёнок начинает устраивать сцены. Но не для того, чтобы спровоцировать конфликт, а с одной целью: привлечь внимание родителей и дать им понять, как ему одиноко.

Только живое участие родителей в судьбе ребёнка станет фундаментом, на котором строится доверие на всю жизнь.

* * *

В детстве моё поведение трудно было назвать адекватным. Как только я переступал порог школы, сразу подходил к одноклассникам и бил одного из них кулаком в живот. Жертвой оказывался незащитный, слабый мальчишка, неспособный дать сдачи.

Справедливости ради надо сказать, что дрался я со всеми — и со слабыми, и с сильными, и с ровесниками, и со старшеклассниками. Часто приходил домой с разбитым носом, но меня

это нисколько не смущало и не останавливало. Следующий день начинался примерно так же. У меня не получалось по-другому. Я не мог совладать с собой.

Только сейчас я разобрался в причинах того, что происходило со мной тогда. Понял природу своих бед — их истоки в далёком прошлом. С пониманием пришло и принятие.

* * *

В моей жизни было много потрясений, но ни одно из тех, что я пережил, уже будучи взрослым, не оставило после себя столько шрамов, сколько детские. Даже сейчас, вспоминая некоторые сцены из далёкого детства, мне становится грустно.

Думая о маме, я понимаю: она переживала те же чувства. По сути, она была ещё ребёнком, когда встретила моего отца и забеременела мной. Ей было всего восемнадцать. Неопытная, наивная — она хотела того же, что и все: обыкновенного счастья, которое ей так и не удалось обрести с моим отцом.

Бесконечные пьянки и измены отца, мамины истерики, её крики и слёзы. Мне было безумно жаль её. Мне трудно это говорить, но в такие минуты я желал отцу смерти, лишь бы навсегда избавить от него маму. И это происходило ещё задолго до того, как он поднял на меня руку.

Я начал терять контроль над собой, и иногда мне становилось страшно от мыслей, приходивших мне в голову. Пришлось изрядно поработать над собой, чтобы загнать джинна обратно в бутылку.

* * *

Мама выросла в Советском Союзе, где, как известно, секса не было. Секс был на Западе. У нас этот процесс назывался деторождением.

Само слово «секс» считалось чужеродным наряду с другими атрибутами западного мира: жвачкой, джинсами и рок-музыкой.

Мама была послушным ребёнком, никогда ни с кем не спорила, а уж тем более со взрослыми. И если взрослые говорили ей, что это плохо, у неё даже не возникало мысли ставить их слова под сомнение.

Её родители были суровых нравов; запрещали краситься, носить яркую одежду, короткие юбки, выходить на улицу с голыми ногами. Они считали, что выделяться не стоит — нужно быть как все.

В каком-то смысле их можно понять. Они, в свою очередь, выросли в обществе, где быть «простым человеком» считалось надёжным способом сохранить себя. В противном случае — наживёшь кучу неприятностей.

В подавляющем большинстве, не имея мужества, воли и сил что-то изменить, люди соглашались и принимали эту модель поведения. Родители моей мамы не были исключением.

Разумеется, всё это отразилось на её мировоззрении: она переняла привычки и установки того общества, в котором жила, и проецировала их на меня.

В детстве я много читал, особенно мне нравилась историческая литература.

Однажды я увлёкся книгой о монголо-татарском иге. Помню, как был впечатлён подвигами Чингисхана и Батыя, масштабом их личностей и следом, который они оставили в истории.

Я с нетерпением ждал вечера, чтобы скорее взять книгу в руки. У меня были счастливые два часа, когда все в доме ложились спать и я был предоставлен самому себе. Я брал книгу, фонарик, накрывался с головой одеялом и читал взахлёб.

Я оказывался в своём мирке — тихом, спокойном и уютном. Там меня ждали герои, которыми я восхищался и на которых хотел быть похожим. Несмотря на то что границы придуманного мной мира ограничивались размером одеяла, я чувствовал себя в полной безопасности.

Но в один прекрасный день всё рухнуло, как картонный домик. Я не заметил, как в комнату вошла мама. Резким движением она сорвала с меня одеяло и, наклонившись, спросила, чем я там занимаюсь. В её голосе звучал упрёк. Тогда я понял, что она хотела уличить меня в чём-то непристойном.

Я чувствовал, как горят щёки, по спине пробежал холодок. От испуга я не мог произнести ни слова. Я испытывал жуткий стыд и страх, будто совершил что-то ужасное.

Молча я протянул маме книгу. В воздухе повисла неловкая пауза. Мама пристально посмотрела на меня, и я заметил, как сильно она смущена. Она хотела застукать меня, но ничего не вышло, и от этого она выглядела растерянной. Я вновь почувствовал себя ответственным за происходящее, хотя вины моей в том не было.

Придя в себя, она перевернула меня на бок и прижала мою щёку к сложенным ладоням — мама всегда считала, что я должен засыпать именно так. Потом проверила, не зажал ли я между ног одеяло, убедилась, что всё в порядке, поцеловала меня и вышла.

* * *

Всё, что происходит с нами в детстве, так или иначе оставляет след. Став взрослым, я обнаружил, что память о далёком прошлом всё ещё владеет мной.

Во время близости я брал руку девушки и просил ласкать себя. Да, я хотел сделать ей приятно, но при этом смотрел на неё осуждающе, с упрёком. Я начинал видеть в ней плохую, похотливую, развратную девчонку, лишённую душевной чистоты.

По той же причине я никогда не позволял девушкам оставаться на ночь. После близости я отвозил их домой или вызывал такси. Я получал огромное удовольствие, оставаясь один на один со своими мыслями.

Я пил чай, принимал душ и ложился в кровать. Я мог подолгу лежать, смотря в окно. Потом поворачивался на бок, прижимал щёку к сложенным ладоням и засыпал.

* * *

Был случай, о котором я должен рассказать. Неприятный случай, но о нём полезно узнать, чтобы не повторять чужих ошибок.

В детстве у меня был фимоз — сужение крайней плоти, при котором головка полового члена полностью не обнажается. У меня она не обнажалась даже частично. Я ещё не понимал тогда всей серьёзности этого и совсем не переживал. Но однажды мы с мамой пошли в поликлинику, где я услышал, что у меня большая проблема.

Я хорошо помню врача, к которому мы тогда попали на приём. Крупная женщина с очень большим бюстом. Халат плотно облегал её мощное тело, и казалось, что пуговицы вот-вот оторвутся. Она говорила громко и уверенно, заполняя собой всё пространство, не оставляя места ни для других голосов, ни для мыслей.

У неё были огромные, сильные предплечья — как у мясника, который никогда не выпускает топор из рук. Я понял, что обречён.

— Снимайте с него штаны! — скомандовала она маме и, потирая ладони, направилась ко мне.

— Так, что у нас тут? — растягивая слова, произнесла она.

Подойдя вплотную, она наклонилась, и я увидел, что над её верхней губой растут редкие чёрные усики. Я не знал, что меня ждёт, но предчувствие было плохое.

Уверенно и деловито она принялась за манипуляции в том месте, где у меня был фимоз. Мне было очень больно, но я не проронил ни звука, продолжал терпеть. Я смотрел на маму, пытаюсь сказать ей, что необходимо остановить это, но мама не реагировала.

Когда осмотр закончился, мне казалось, что я побывал в аду.

К этому вопросу мы с мамой больше не возвращались. Всё пустили на самотёк.

* * *

В школьной раздевалке после урока физкультуры мальчишки хвастались своими приборами. Я в этом, по понятным причинам, не участвовал, делал вид, что мне неинтересно. Я завидовал им и чувствовал себя неполноценным. Мне нечем было похвастаться, и, пытаясь самоутвердиться, я компенсировал это агрессией и жестокостью.

* * *

В шестнадцать лет я сам лёг на операцию, и мне сделали обрезание. Как же я был счастлив! Мои мучения закончились. Я наконец справился с болезнью, от которой страдал всё детство. Я думал, что все беды позади, но я ошибался.

Случившееся в детстве неизбежно повлияло на всю мою дальнейшую жизнь и стало огромным препятствием в построении серьёзных отношений с женщинами.

Физическая боль — ничто по сравнению с душевной. В том кабинете со мной обращались как с вещью. Никому не было дела до того, что я чувствовал. Так я приобрёл ещё один комплекс: «ещё один гвоздь заколотили в мою голову».

* * *

Многие родители считают, что имеют власть над детьми и вправе указывать им, как жить и что думать. Это ошибка.

Однажды я сказал старшему сыну, когда он был ещё маленьким, что он свободный человек и сам вправе выбрать свой путь. Он мне ничего не должен. Мне не важно, кем он станет и кого полюбит.

Главное для меня — чтобы он был счастлив, чтобы рядом были достойные люди, на которых можно положиться, чтобы творил добро, а не разрушал. Тогда он никогда не будет чувствовать себя одиноким. А я всегда буду рядом и, что бы ни случилось, подставлю плечо. Я буду уважать его выбор. Но если он прислушается к моему мнению и воспользуется советом, буду искренне рад.

Именно такими я вижу здоровые отношения родителей и детей. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

6. Нужные люди из Райсобеса¹

Некоторые картины прошлого время от времени всплывают в моей памяти по сей день. И хотя прошёл уже не один десяток лет, воспоминания свежи, будто это происходило недавно.

Одни вызывают грусть, другие — улыбку и даже смех, несмотря на то что иногда было далеко не до веселья. Но, как говорят, время лечит. Однако надо признать, что это ложный тезис, и думать так в некоторых случаях даже вредно.

Время, скорее, подобно болеутоляющему средству: оно притупляет боль, но не вылечивает, в известном смысле не устраняет первопричину недуга. Можно попытаться склеить разбитую чашку, но в определённый момент она всё равно треснет, и единственно правильным решением будет приобретение новой чашки.

То же самое и с воспоминаниями: пытаться прогнать от себя плохие мысли, вызывающие тревогу, боль, страдание и страх повторения пережитого, недостаточно. Результат будет аналогичен итогу с чашкой — попытке, изначально обречённой на неудачу.

Воспоминания будут возвращаться и накрывать с той же силой, если не с большей. Никакие «болеутоляющие» средства, включая алкоголь, не придут на помощь, а сделают даже хуже, отдаляя вас от решения проблемы всё дальше и дальше. Спрятаться на время в надежде на то, что всё само собой разрешится, не выйдет. Придётся вернуться туда, откуда всё началось, и только там, выяснив причину случившегося и разобравшись в себе, можно обрести настоящее успокоение.

Пропустить этот этап лучше, даже не стоит и пытаться. Будут потрачены энергия и время, а вы продолжите напоминать слепых котят, играющих с собственным хвостом. Потребуются мужество, воля, желание и дисциплина, чтобы изменить ход событий. Только так вы сможете прожить свою лучшую жизнь, раз и навсегда примирившись с прошлым.

* * *

Я не представляю, каким образом и, главное, зачем сохранять отношения, в которых потеряно главное — доверие. Можно закрывать глаза на многое: на отсутствие общих интересов, на разницу темпераментов и даже на расхождение во мнениях по разного рода вопросам, за исключением, разве что, критически важных для вас. Допускаю и такое.

Но у близких людей всегда есть нечто большее, что объединяет и перевешивает все минусы и недостатки друг друга. И в первую очередь это доверие. Доверие, которое выстраивают годами. Если доверие утрачено, отношения обречены. Можно жить под одной крышей и сколько угодно делать вид, что всё в порядке, но себя невозможно обмануть. Доверие нужно беречь и трепетно относиться к нему, потому что оно, увы, не возрождается ни при каких обстоятельствах.

Обратное, пожалуй, можно лишь услышать в программе новостей, и то это будет означать, что люди просто договорились какое-то время «не бить друг другу морды», но не более.

Совершенно неважно, случайно или преднамеренно человек совершил дурной поступок. Предавший раз предаст и дважды.

¹ Райсобес — районный отдел социального обеспечения в советское время.

* * *

Иногда мы ездили на море втроём: мама, папа и я. Было классно, но не так весело, как в компании дяди Бори.

Мы так же ходили завтракать на берег, купались в нежных лучах утреннего солнца и даже прыгали с отцом в холодное море с разбега. Всё было хорошо, но со временем я стал замечать, что папе становится скучно. Он начинал откровенно зевать и выглядеть отрешённым, будто в мыслях был в другом месте. К вечеру его настроение менялось: он преображался, выглядел бодрым и много шутил. Это было время, когда мы шли на дискотеку.

Уже взрослым я наконец отвечаю себе на все вопросы, не дававшие мне покоя, но тогда я не мог понять, почему папе недостаточно нас с мамой и зачем он на пляже всё время крутит головой по сторонам, заставляя маму нервничать.

— Толя, хватит пялиться, сейчас шею себе свернёшь.

— Мамуль, да ладно тебе, я только одним глазком.

Такого рода диалоги между ними я слышал довольно часто. При этом было очевидно, что папе это доставляет радость, его это забавляло: он смеялся, а вместе с ним смеялся и я, не понимая, о чём идёт речь, и не догадываясь, что в эти минуты чувствовала мама.

* * *

Однажды в один из таких отпусков отец объявил, что возвращается домой на неделю раньше, объяснив это неотложными делами и необходимостью подготовиться к работе.

Мы с мамой расстроились, услышав эту новость: это было для нас полной неожиданностью. Но делать было нечего: надо так надо.

Мама заботливо собрала папин чемодан, погладила рубашки, разложила еду по пакетам и плакала, стоя на перроне, когда папа зашёл в вагон. Плакал и папа. Это было трогательно.

Проявление такой глубины чувств было не свойственно моим родителям и не могло оставить меня равнодушным, поэтому плакал и я. Каждому ребёнку хочется видеть своих родителей счастливыми и любящими друг друга, и я не был исключением.

* * *

На следующий день, находясь в полной уверенности, что нам предстоит отдыхать ещё долго, я встал рано утром, умылся и приготовился к завтраку. Мама приготовила еду, молча накрыла на стол и сказала:

— Мы уезжаем сегодня.

— Куда? — спросил я.

— Домой, — ответила она.

Я не понимал, что происходит, в чём причина такой спешки, и сидел, разинув рот. Только вчера мы проводили отца, и казалось, что всё снова идёт своим чередом, ничто не предвещало внезапных перемен, и тут такое.

Для чего всё бросать и ехать обратно в душный город без веской на то причины?

На мой уточняющий вопрос мама ответила:

— Так надо.

Находясь в недоумении от происходящего, я с трудом доел завтрак и пошёл собирать вещи.

* * *

Была уже ночь, когда мы приехали домой. Мы выгрузили чемоданы из такси, вошли в подъезд, сели в лифт.

На восьмом этаже двери лифта открылись, и мы услышали громкую музыку. Подойдя к двери нашей квартиры, мы поняли, что там не спят.

Мама достала ключ и медленно вставила его в замочную скважину.

В коридоре на полу была разбросана чья-то обувь и дамские сумочки, а шкаф был забит чужой одеждой. Мама напрямик направилась в большую комнату, где играла музыка, и резко открыла дверь.

По периметру комнаты на диване и в креслах сидели в обнимку мужчины и женщины. Они громко разговаривали, смеялись и курили; на столе стояло большое количество бутылок вина.

В центре комнаты папа танцевал медленный танец с какой-то женщиной. Она была намного выше и крупнее его, и я заметил, какая огромная у неё грудь. Именно к этой части тела женщины папа нежно прижимался щекой. От испытываемого удовольствия его глаза были закрыты, и он не сразу заметил, как мы вошли.

Кто-то выключил музыку, повисла тишина. Папа поднял голову, и какое-то время они с мамой молча смотрели друг на друга.

Первым тишину нарушил папа. В свойственной ему манере он включил дурака:

— Ой, мамуль, привет! А ты чего здесь делаешь? Вы же должны приехать только через неделю! Во даёт! — начал он.

— Приехала посмотреть, как ты здесь скучаешь без нас, чем занят в отсутствие жены и как у тебя идёт подготовка к работе. Волнуюсь за тебя. Но вижу, что всё хорошо, — ответила мама.

И на мгновение они снова замолчали.

Несмотря на внутреннее напряжение, какое-то время мама старалась сохранять спокойствие, но справиться с эмоциями у неё не получилось.

* * *

— Анатолий (так папа представлялся женщинам), ты что, женат? — спросила девушка, с которой он танцевал.

Несмотря на то что ситуация накалялась, у меня сохранялась робкая надежда, что всё может разрешиться без скандала, но скандал случился.

— Женщина, да вы не волнуйтесь, — начала блондинка, сидевшая на коленях у одного из папиных друзей.

На её лице был яркий, агрессивный макияж: красная помада, тёмные тени, густо накрашенные длинные ресницы; в руках дымилась сигарета.

Вид у неё был вульгарный, а манера общения — вызывающая. Она была уверена в своей безнаказанности, и в её интонации не было ни капли смущения. Казалось, что она сейчас начнёт диалог с мамой, отстаивая свою позицию, но жёстко просчиталась.

Мама вернулась из кухни, держа в руках веник. Вбежала в комнату, начала охаживать веником «почтенную» публику, не разбирая, куда попадают её удары. Била, что называется, по площадям.

Мама кричала на гостей, те поспешили поскорее убраться из нашей квартиры. Она называла присутствующих дам «проститутками» и говорила что-то про совесть и карму. Я впервые видел маму в таком состоянии и от страха вжался в стену.

Папа, стоявший до этого времени в стороне, решил объяснить маме, в чём она ошибается, и на ходу придумал легенду, согласно которой все находившиеся в квартире являлись важными госслужащими. Он пошёл ва-банк:

— Мамуль, ты что, с ума сошла?! Какие же это проститутки?! Это нужные люди из Рай-собеса! — на одном дыхании выпалил отец.

Его слова не произвели ни малейшего впечатления на маму — остановить её было уже невозможно.

В коридоре грудастая блондинка предприняла последнюю попытку объясниться, но было поздно.

Прячась за мамину спину, я выдал вердикт, и всем стало окончательно ясно, что объяснения бессмысленны. Глядя на грудастую блондинку с ярко-красной помадой, я произнёс:

— Мамины тапочки ещё надела, проститутка!

* * *

Мама простила отца, сделала вид, что поверила его объяснению. Поступить иначе она и не могла. Признание очевидного означало бы и принятие последующих жёстких мер, вплоть до развода. Она решила пожертвовать своим счастьем ради меня и поэтому терпела.

Как следствие, подобные истории стали нормой. Уверенный в безнаказанности, папа и не думал останавливаться. Он продолжал раз за разом предавать маму.

* * *

Тот случай решительным образом повлиял на моё отношение к женщинам. Я их одновременно и любил, и ненавидел. Любил, потому что так решила за меня природа, но и не мог им простить того, что мне пришлось пережить в детстве. Мне было больно и обидно не только за себя, но и за маму, которую отец предал.

Сейчас на многие вещи я смотрю философски и не держу зла на отца. Но боль, причинённую нам с мамой, я носил в себе слишком долго.

Я часто менял девушек в надежде увидеть в них то, чего были лишены подруги отца: сострадание, сочувствие, понимание. Мне сложно было строить серьёзные отношения, поскольку казалось, что девушки, с которыми я общался, не соответствуют этим критериям.

Когда же я встречал тех, кто был достоин любви и уважения, то убеждал себя в их неискренности и расставался с ними. А расставались мы не всегда по-хорошему: случалось так, что я изменял им с их подругами. Или, ещё хуже, мог предложить своему товарищу переспать с моей девушкой.

Это была своего рода месть тем, кто в тот далёкий день причинил боль нам с мамой и растоптал наши чувства.

7. Ефрем

Инстинкт размножения — врождённая биологическая программа, направленная на продолжение рода всякого живого существа на этой планете, и человек — не исключение. Разница между *Homo sapiens* и всем остальным животным миром заключается лишь в том, что животные совокупляются, как правило, сезонно и исключительно для продолжения рода. Человек же делает это круглый год, и целью для него в первую очередь является получение удовольствия, что, на мой взгляд, абсолютная норма и не должно ставиться никем под сомнение.

Мы все появляемся на свет, чтобы получать удовольствие и радоваться жизни. Не верьте тем, кто говорит обратное, утверждая, будто человек пришёл в этот мир страдать и мучиться и лишь это является его единственным предназначением.

Человек эволюционирует, люди постоянно изобретают что-то новое и полезное, стремятся сделать жизнь ещё более комфортной.

Мы рождаемся не для того, чтобы терпеть, а чтобы быть счастливыми и дарить счастье другим.

* * *

Представьте родителей, которые желают своему ребёнку не здоровья и счастья, а беды и потрясений. Это — нонсенс.

Любой здравый родитель желает ребёнку только лучшего и делает для этого всё возможное: даёт хорошее образование, обеспечивает заботу о здоровье, открывает мир, стараясь воспитать гармоничную личность. Это называется заботой о потомстве и заложено в нас природой.

А если родители придерживаются иных — деструктивных — установок, им, скорее всего, поможет психолог. Его задача — деликатно и профессионально показать потенциальные последствия деструктивного подхода.

Желание получать удовольствие от жизни, в том числе занимаясь сексом, так же естественно, как чистить зубы или принимать душ. Разница лишь в том, что человек разумный должен серьёзно относиться к выбору партнёра и чувствовать перед ним ответственность.

Несмотря на то что я уже много лет в браке, я продолжаю работать над отношениями с супругой, стараясь сделать их лучше и прочнее.

Я планирую своё будущее настолько, насколько это возможно. Да, впереди много поворотов, не отмеченных на карте жизни, и никогда наверняка не знаешь, что ждёт впереди. Не всё в наших руках, и случиться может всякое. Но это меня не смущает.

Я придерживаюсь простого принципа: «Делай что должно, и будь что будет».

Уверен, если мы выбираем лучшую жизнь, то выбираем развитие, ставим цели и неуклонно движемся вперёд — нас ждёт успех, в том числе и в отношениях с любимыми.

Да, с годами страсть утихает, но близость остаётся важной составляющей семейного счастья. Учитывая, что современный мир предлагает множество способов поддержать огонь страсти, у семейных пар есть отличная перспектива оставаться желанными друг для друга как можно дольше.

* * *

Люди по-разному относятся к сексу: есть те, кто об удовольствии думает в последнюю очередь либо не думает вовсе. Для них секс — это лишь способ не чувствовать себя одинокими. Ради этого они готовы на всё и даже делить жизнь с человеком случайным. Они часто доволь-

ствуются мимолётными, неглубокими отношениями, в которых нет тепла, доверия, искренности. На время им становится легче, но временное облегчение впоследствии обострит боль от неминуемого одиночества.

Есть и другие, которые не понимают, зачем им секс. Они не думают о нём в контексте пользы для здоровья, также у них нет необходимости чувствовать себя нужными кому-то, поскольку сами ни в ком не нуждаются. Они занимаются сексом скорее от скуки, не зная, чем ещё себя увлечь, чтобы скоротать время.

К категории таких людей относился и мой давний знакомый по кличке «Ефрем».

Он был симпатичным парнем с мужественными чертами лица и настойчивым характером. У него не было глубоких знаний ни в чём, а судил он обо всём поверхностно, но всегда находил темы для разговора и привлекал внимание окружающих.

Ефрем был компанейским человеком и часто закатывал у себя шумные вечеринки. У него всегда собиралось много людей — они тянулись к нему.

Он был сильно неравнодушен к женскому полу и был тот ещё ходок.

Каждое утро у него начиналось одинаково: он обзванивал девушек из записной книжки. После завтрака он садился за телефон, чтобы договориться с одной из них провести вечер вместе.

Он никогда не ходил с девушками в кино или кафе, сразу вёл к себе домой. Но так поступал не потому, что ему было жалко денег (хотя одной из отличительных черт его характера была жадность), а потому, что считал это пустой тратой времени, не имеющей смысла, раз потом всё закончится, как обычно, — постелью.

Однажды я разговорился с одной из его девушек, и она в сердцах рассказала мне, что Ефрем настолько энергичен и силён, что может совокупляться сутки напролёт, не ощущая усталости.

Подобно кубинцам, он был таким же дружелюбным, весёлым и беззаботным.

Лишь одно обстоятельство накладывало тень на безупречный образ дамского угодника. Одна из девушек, с которой у него были длительные отношения, родила от него троих детей и по наивности рассчитывала на то, что у Ефрема проснутся к ней нежные чувства, он станет более ответственным и серьёзным как в отношении её самой, так и их общих детей. Но её расчёт оказался неверным. Ефрем и не думал меняться: он продолжал вести разгульный образ жизни.

На вопрос, собирается ли он обеспечивать детей, если не полностью, то хотя бы частично, помогать матери своих детей деньгами на еду, Ефрем отвечал отказом, объясняя это тем, что не просил её от него рожать, а если девушка родила, то пусть сама и кормит.

* * *

Я гораздо глубже переживал всё, что касалось моих взаимоотношений с женщинами, и в моей голове подобная позиция никак не укладывалась.

Лишь много лет спустя я нашёл баланс между непростительной лёгкостью, с которой некоторые мужчины относятся к своим женщинам, и собственной чрезмерной серьёзностью, мешавшей выстраивать гармоничные отношения.

Ефрем часто чудил и бывал излишне экспрессивен, но воспоминания о нём у меня добрые.

Удивительно, но я до сих пор помню номер его домашнего телефона, хотя прошло уже тридцать пять лет.

С Ефремом связано несколько чрезвычайных происшествий в моей жизни, о которых я расскажу позже.

8. Ленинская комната

Школа, в которой мне предстояло учиться, находилась в шаге от моего дома, и я с большим любопытством наблюдал за спешащими к первому уроку ребятами. Они носили красивую школьную форму, и почти у всех на шее были красные пионерские галстуки. Я смотрел на них и завидовал.

Мечтал, как в один прекрасный день в моей жизни произойдёт значимая перемена и я вольюсь в их дружную семью. И этот день, наконец, настал.

Сложно описать, что я испытывал, когда стоял перед зеркалом в форме, как и у них, с каким восторгом и трепетом я смотрел на себя и как был горд от ощущения собственной значимости.

Помню, как мы с мамой вышли из подъезда и увидели толпу людей. Это был нескончаемый поток родителей и их детей, которые так же, как и я, шли встречать 1 Сентября. В руках у всех были огромные букеты, громко играла музыка, и обстановка была торжественной. Я заметил, что многие родители плакали, и меня это удивило. Став отцом, я понял, что это были слёзы счастья.

Слившись с толпой, мы с мамой двинулись в сторону школы. Хотя это и заняло не более пары минут, я испытал то чувство единения, которое даёт огромную силу, — осознание себя частью чего-то большего. Именно к этому стремится большинство людей, и это абсолютная норма. Иначе Ното как вид не выжил бы.

Часто процесс единения становится неконтролируемым: индивидуум полностью растворяется в толпе, и его разум перестаёт принадлежать ему, что тоже вполне объяснимо. Триста тысяч лет Ното жил как в семейных группах, так и в более сложных социальных структурах. За нарушение общепринятых норм человек подвергался ostracism и мог быть изгнан из стаи, что означало верную гибель. Поэтому страх современного представителя древнейшего вида приматов остаться одному имеет под собой логическое обоснование.

В процессе эволюции условия общежития изменились, и для того чтобы выжить, устроить быт и оставаться благополучным, больше нет необходимости беспрекословно подчиняться большинству и следовать общим трендам — даже наоборот. Иметь собственное мнение стало критически важно, и человек, умеющий его отстаивать, всегда достигает большего, чем люди посредственные, не имеющие своего мнения. Конечно, возникают и определённые риски, но только яркий и неординарный человек способен на поступок, который изменит многое не только в его собственной жизни, но и в жизни общества.

* * *

Оказавшись на территории школы, мы подошли к женщине, в руках которой была табличка «1 В». Это был мой класс и моя первая учительница — Любовь Николаевна. Я смутно помню её лицо, лишь очертания. Она была невысокой, но с большой грудью — меня это тогда впечатлило.

На уроках я тайком её рассматривал, не в силах оторвать взгляд. Вряд ли у меня тогда были мысли эротического характера в силу моего возраста. Скорее внушительные размеры её груди вызывали у меня скорее уважение, нежели вожделение.

Любовь Николаевна была дружелюбной и располагала к себе. Праздничная обстановка и улыбки на лицах учителей наполнили меня радостью, и я с любопытством наблюдал за собравшимися на школьном дворе...

* * *

Однажды я задал маме вопрос, который даже сейчас, десятилетия спустя, волнует меня ничуть не меньше. Я спросил, присоединился ли к нам позже папа, потому что уже точно не помню. Ответ мамы меня не удивил, хотя в глубине души я надеялся услышать другое.

Я давно пришёл к выводу, что иногда ребёнку лучше думать, будто его отец погиб, выполняя ответственное задание, чем понимать, что он не нужен отцу и насколько отцу безразлично. Ребёнок, который никогда не знал и не видел отца, может мечтать о нём, наделяя его лучшими качествами.

Самое страшное для меня в жизни — это безразличие. Человек может быть каким угодно: плохим, жадным, неприятливым, но только не безразличным; это худшее, что с ним может случиться.

Я давно простил отцу все обиды, и мне его искренне жаль. Жаль, что он так и не познал истинной любви, не понял, как это важно — быть нужным и какое это счастье, когда нуждаются в тебе. Даже сейчас, когда я приезжаю к нему в гости, я вижу в его глазах пустоту. Каждый его день подчинён чёткому распорядку: ранний подъём, зарядка, завтрак, пешая прогулка в парке, где «чирикают птички», обед, тихий час, на полдник — творог с клубничным вареньем и морс, отбой в 22:00.

На первый взгляд всё точно выстроено, и всё же лишено смысла. Ради чего всё это? Продлевать жизнь, чтобы и дальше иметь возможность просто есть и пить, но по-прежнему оставаться в вакууме? Ни о чём не думать и ни о чём не заботиться?

Нет, это не глубокая философия или осознанный выбор мудреца, который, познав жизнь, свысока взирает на суетящихся людей. Это — обыкновенное безразличие. Безразличие ко всему.

Периодически я примеряю эту «рубашку» на себя, пытаюсь представить, каково это — так жить, и мне становится страшно.

* * *

Много лет я вынашивал идею написать эту книгу: долго думал, взвешивал, сомневался, прежде чем начать. Но одна встреча всё изменила и укрепила меня, и я решил действовать.

В разговоре с одним молодым человеком я спросил, зачем он продолжает заниматься своим делом, если не получает с этого большой прибыли. Его ответ потряс меня:

«Это не так важно. Я просто хочу оставить после себя след».

Несколько дней после этого разговора я находился под впечатлением. Я не мог спокойно спать, просыпался от того, что в голове был рой мыслей. С этого момента я не думал больше ни о чём другом.

Уверен: мой опыт поможет многим сохранить стойкость духа и ясность рассудка, послужит примером и даст надежду тем, кто отчаялся и утратил веру в себя. Поэтому я не могу оставаться в стороне. Я не имею права молчать. Не имею права быть безразличным.

* * *

...Школьный двор заполнялся людьми. Кто-то громко и живо заговорил в микрофон, поздравляя всех с праздником. Повсюду были развешены красные флаги с серпом и молотом, и это напоминало наши семейные походы на демонстрации 1 Мая.

У отца в руках всегда был красный флажок, а мы с мамой несли разноцветные шарики. Когда люди кричали: «Ура!», мы присоединялись к ним. Отец всегда делал это энергично, и, глядя на него, я задавался вопросом, насколько искренен он был в те минуты.

Удивительно, какими разными могут быть люди. Мама никогда никого не обманывала, а если что-то и происходило вдруг по её вине, то она не находила потом себе места и долго не могла прийти в себя. Отец же, наоборот, был хитрым и изворотливым и правду говорил крайне редко. Знаете, есть такие люди, которые врут даже тогда, когда в этом нет ни малейшей необходимости. Поэтому я и сомневался, что он был настолько счастлив с этим флажком в руках, насколько демонстрировал это.

* * *

...Прозвучал школьный звонок, пионеры затрубили в горны и забили в барабаны. Мы гуськом пошли за нашей учительницей, зашли в класс и расселись за парты.

Наконец-то сбылась моя мечта — стать одним из тех, за кем я так долго наблюдал почти каждое утро.

Учиться мне нравилось. С первого дня я проникся всем, что было связано со школой, и мне казалось, что ничего другого больше не существует. Приходя в школу, я словно попадал в параллельную реальность: там не было отца с его бесконечными попойками и грязными изменами, не было страдающей из-за этого мамы — не было того ужаса, что мне довелось пережить.

Когда начинался урок, я испытывал эйфорию: меня настолько переполняли эмоции, что я не всегда понимал, о чём говорит Любовь Николаевна, и мне требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Меня завораживали шелест страниц, запах типографской краски и лёгкое поскрипывание парт — во всём этом чувствовался неуловимый шарм.

Часто, наблюдая за отцом во время завтрака, когда он пил чай и читал новости в газете, я мечтал делать так же, поэтому с особым усердием подходил к изучению алфавита.

Сейчас за завтраком, так же как и мой отец когда-то, я пью чай и читаю новости, только вместо газеты у меня телефон.

* * *

Я всегда добросовестно делал домашнее задание. Во-первых, мне это нравилось, процесс доставлял мне удовольствие. Но главным для меня было другое: когда я заканчивал делать домашку, в комнату заходила мама и хвалила меня за то, насколько красиво и правильно я всё сделал. Она обнимала и целовала меня, давая понять, что гордится мной. Для меня это было высшей наградой. Я ждал этого момента и поэтому очень старался.

В детстве было много хорошего и по-настоящему доброго, и я благодарен маме за заботу и материнскую любовь, на которую она была щедра.

* * *

Через какое-то время меня и весь наш класс приняли в октябрята. Сказать, что я был этому рад, — ничего не сказать. Я был на седьмом небе от счастья. Мы все носили значки с изображением Ленина на груди и были счастливы, ощущая себя единым целым, одной командой. В силу возраста у нас не было собственного мнения ни по одному важному вопросу, но мы чувствовали, что этот значок нас объединяет, сплачивает и наполняет ощущением сопричастности к чему-то великому.

* * *

Любовь Николаевна вызывала у меня самые трепетные чувства; можно сказать, я был в неё влюблён. Я всегда внимательно слушал её и впитывал каждое произнесённое ею слово. У неё был нежный и тихий голос, но при этом во время уроков всегда соблюдались порядок и дисциплина. Я искренне восхищался ею.

Но однажды произошёл неприятный случай, и в наших отношениях появилась трещина.

Во время урока мы выполняли задание, а Любовь Николаевна ходила по рядам и заглядывала в тетради. В руках она держала большую деревянную линейку, которая придавала ей значимости. Она не выпускала её из рук.

Проходя мимо меня, она резко остановилась и сильно ударила меня линейкой по руке.

Это было настолько неожиданно, что от шока я не сразу почувствовал боль.

Дело в том, что я был рождён левшой и ручку держал в левой руке, а в советской школе разрешалось писать исключительно правой рукой. Вот так я нарвался на неприятности.

Любовь Николаевна улыбнулась, подняла с пола ручку, которую я выронил, переложила её в мою правую руку и сказала, что впредь будет так.

Время в тот момент для меня остановилось. Я оцепенел и не знал, что делать. Еле сдерживал дыхание, чтобы никто не заметил моего волнения. Хотел выбежать из класса, но тело не слушалось. Похожие чувства я испытал в тот злополучный день, когда лишил жизни бедного голубя.

Придя домой, я рассказал маме о случившемся. Рука была красной, пальцы — опухшими. Я ждал, что мама возмутится, встанет на мою защиту, пойдёт в школу восстанавливать справедливость, но, к моему удивлению, этого не произошло. Наоборот, мама поддержала Любовь Николаевну, сказав, что та всё сделала правильно, и, более того, с её разрешения: как оказалось, мама дала согласие на применение подобных методов воспитания.

Я не осуждаю маму за это. Она выросла, что называется, в строгости и не знала другого языка общения.

* * *

Со временем всё улеглось. Я согласился, что в произошедшем была моя вина, и постарался поскорее об этом забыть.

С тех пор я держал ручку в правой руке. Я становился таким, каким хотели меня видеть окружающие.

Мама была крайне зависима от чужого мнения и всегда боялась, что о ней подумают плохо, поэтому и от меня требовала не делать того, чего не делали другие.

Даже сейчас, зная о том, что я пишу книгу и обязан быть с читателем предельно честным и открытым, мама просит не рассказывать о многих вещах или не делать это настолько откровенно. Ведь всё станет известно соседям, друзьям, знакомым, и они будут думать обо мне плохо. То есть не исходя из вопроса моей безопасности, а из того, какое мнение обо мне сложится у окружающих.

А ещё мама попросила написать о том, что папа был с нами 1 Сентября, когда я пошёл в школу. На мой вопрос: «Зачем?» — мама ничего не ответила, только пожала плечами.

Я очень люблю маму, дорожу ею и готов ради неё на всё. Но оградить её от её же собственных страхов — задача не из лёгких.

Для многих мнение окружающих настолько важно, что даже мысль о том, что о них подумают дурно, для них невыносима.

Позже старшие товарищи объяснили мне, как важно иметь собственное мнение. Не полагаться на других, а учиться отстаивать свою точку зрения, независимо от того, что думает большинство, — это и делает человека личностью.

* * *

Незаметно пролетели три года начальной школы, и настало время прощаться с первой учительницей.

Признаться, я испытывал смешанные чувства: с одной стороны, мне было грустно расставаться с Любовью Николаевной — за это время мы сильно сблизились, и я был благодарен ей за её труд и те знания, которые она нам дала. Но случай с линейкой я не мог забыть. Я старался не думать об этом и даже простил её в душе, но осадок остался.

Помню, как подарил ей цветы, и она, обняв меня, расплакалась. С моей стороны не было фальши, я был искренен в своих чувствах.

Мне могут возразить и сказать, что это называется стокгольмским синдромом — когда жертва оправдывает своего палача, пытаясь спасти его от заслуженного наказания, — и в некоторой степени будут правы. Но я склонен терпимее относиться к ошибкам, которые совершают люди. Ибо кто из нас без греха? Учитывая собственный бэкграунд, я отлично осведомлён, с какой лёгкостью люди совершают плохие поступки, особенно в юном возрасте, поэтому не берусь никого судить.

Думаю, моей первой учительнице тогда было немногим больше двадцати, и у неё было право на ошибку. Но когда взрослые люди делают глупости, найти этому оправдание намного сложнее.

Например, многие женщины терпят унижения в семье, списывая это на горячий нрав мужа. Им кажется, что со временем всё изменится, муж станет другим, и в доме воцарятся любовь и радость. Это самообман: ничего подобного не случится.

Если люди поступают дурно по отношению к вам, это не ваша проблема — причина не в вас. Причина в тех, кто позволяет себе так относиться к людям, причинять боль и неудобства. Проблема в их воспитании, в их отношении к жизни и к самим себе. Иногда необходимо принять трудное решение и расстаться, чтобы спасти себя, а не беспокоиться о чужой жизни.

* * *

Переходя в четвёртый класс, я чувствовал себя безгранично счастливым. Я давно мечтал стать пионером и теперь был в шаге от этого, но не всё вышло гладко на пути к заветной цели.

Если в октябрюта нас принимали скопом, то с пионерией дело обстояло иначе. Был специальный отбор, и в первую очередь обряд посвящения проходили лучшие: активисты, принимавшие участие в жизни школы, отличники и хорошисты. Их везли на автобусе на Красную площадь, и торжественная церемония проходила рядом с Мавзолеем, где покоится вождь пролетариата Владимир Ильич Ленин.

Несмотря на то что учился я хорошо, а мои работы висели на доске почёта как образцовые, я не вошёл в круг избранных по причине моего неудовлетворительного поведения.

Я дрался, отнимал у одноклассников вещи, приставал к девочкам и грубил учителям. Маму часто вызывали в школу, и она каждый раз возвращалась оттуда в слезах, не в силах сдерживать эмоции. Я был неуправляемым ребёнком, никого не слушался, и мама уже не знала, что со мной делать.

От ощущения безысходности она была вынуждена прибегнуть к нестандартным методам воспитания и, для того чтобы привести меня в чувство, ставила в угол голыми коленями на горох. Это было больно. Горох врезался, причиняя нестерпимую боль, и я плакал, умолял маму

простить меня. Мне казалось, что я не сделал ничего такого ужасного, чтобы заслужить столь суровое наказание.

Мама возвращалась в комнату и строго спрашивала, буду ли я ещё так себя вести. Я, конечно, клялся, что впредь ничего похожего не повторится, и был готов на любые ухищрения, лишь бы избавиться от страшной боли. Так я научился врать.

Хватало меня ненадолго, и через какое-то время всё повторялось.

«Благодаря» моему поведению мама потеряла миллиарды нервных клеток, была эмоционально разбита, а её волосы стали седыми, когда ей не было ещё и сорока. Я до сих пор чувствую вину перед ней.

* * *

Но вот и до меня дошла очередь стать пионером. На Красную площадь меня никто не повёз, церемония прошла в классе. Я произнёс клятву, после чего двое старшеклассников-комсомольцев — девушка и парень — повязали мне красный галстук. Так я стал пионером.

Поначалу всё шло замечательно. Мне нравились пионерские собрания: мы обсуждали жизнь школы, планировали совместный отдых и культурные мероприятия. К нам часто присоединялись упомянутые мной девушка и парень, которые принимали меня в пионеры. Они были комсомольцами и вызывали у нас уважение. Они с придыханием рассказывали нам о Ленине и о его идее объединить миллионы людей по всей планете.

Было много разговоров о странах, находящихся в перманентном состоянии борьбы с империалистическим Западом.

Эти страны нуждались в нашей помощи, которую каждый из нас обязан был оказать; по-другому настоящий пионер поступить не мог. Мы сдавали ластики и другие канцелярские товары в пользу детей из этих стран и были счастливы от того, что творили добро.

* * *

После обсуждения вопросов мировой политики фокус внимания смещался на тех школьников, которые своим поведением бросали тень на пионерскую организацию либо делали для неё недостаточно.

Я был одним из первых, кого подвергли подобной критике. На переменах я часто устраивал заварушки: мы с одноклассниками носились друг за другом по коридору, боролись, толкались, и нередко наши игры заканчивались разбитыми носами. Мне дали понять, что моё поведение может стать большой проблемой для меня и что лучше быть скромнее. Я испугался и на какое-то время «залёг на дно» — я не хотел расставаться с пионерским галстуком.

* * *

Однажды в школе проходил субботник: мы облагораживали территорию, собирали листву и сажали деревья.

Во время перерыва я направился к учебному корпусу, чтобы сходить в уборную. Войдя в здание, я услышал, как хлопнула дверь этажом выше. Мне это показалось странным, поскольку все школьники и учителя, включая директора, трудились на улице, и в школе никого не было. Я решил подняться и проверить.

Обойдя несколько классов, я подошёл к Ленинской комнате, заглянул в замочную скважину, и увиденное повергло меня в шок. Девушка с парнем, лёжа на партах, занимались любовью. Присмотревшись, я узнал в них тех комсомольцев, которые рассказывали нам на собра-

ниях о морали и правилах поведения в обществе. Меня поразило и то, что делали они это под портретом Ленина, уныло и безразлично наблюдавшим за творившимся перед ним бесстыдством.

Я уже знал, что слова часто расходятся с делом — этому я научился дома. Но я и представить не мог, что пропасть между делом и словом может оказаться бездонной.

В тот момент я снова испытал чувство вины, так же, как и моя мама, когда мы становились невольными свидетелями романтических сцен в советских фильмах.

Мои щёки горели от стыда, и я думал о том, как остаться незамеченным.

Какое-то время я простоял под дверью, пытаюсь прийти в себя, после чего тихо покинул место происшествия.

* * *

По всем предметам у меня были хорошие оценки: практически одни пятёрки, иногда четвёрки и ни одной тройки. Мне безумно нравилось учиться. Я с жадностью впитывал знания, понимая, что в них великая сила. Позднее я стал одним из лучших учеников по русскому языку и литературе, а учительница немецкого считала меня своим любимчиком. С успеваемостью у меня всё было в порядке, сложности я испытывал в коммуникации.

Я дружил с несколькими ребятами из класса, но выстраивать добрые отношения мне удавалось с трудом. Я был неуравновешенным, агрессивным и задиристым. Моё поведение было неадекватным.

Вспоминая себя, с уверенностью могу сказать, что отчасти это было наигранным: однажды я придумал себе роль, вжился в образ и носил маску, не снимая её даже дома. На самом же деле я был другим, не таким, каким хотел казаться.

Сейчас я понимаю природу такого поведения: я вёл себя развязно и демонстрировал высокую степень внутренней свободы, потому что на самом деле ею не обладал. Я старался скрыть от всех и, в первую очередь, от себя самого, свои комплексы, неуверенность и страхи.

* * *

Я всегда тянулся к старшим ребятам, большинство из которых были такими же озорными, как и я.

Как-то один из старшеклассников принёс в школу эротические фотографии, и на перемене вокруг него образовалась толпа мальчишек. В то время старались избегать публичного обсуждения темы секса, но запретный плод всегда сладок, поэтому всем хотелось поглазеть на то, чего «у нас в стране не было».

Обладатель эротических фотографий считался продвинутым и смелым, пользовался всеобщим уважением. Эти фотографии он обменивал на другие «ценности»: иностранные ручки, ластики и жвачки, которые тогда можно было достать исключительно по знакомству — в продаже их не было.

Однажды я стащил из дома сигареты Marlboro и предложил их на обмен. Сделка прошла успешно, и мне удалось приобрести несколько красивых фотографий. Вокруг, как обычно, собралась толпа зевак, и, как только прозвенел звонок, я поспешил удалиться.

Я вошёл в класс и сел за парту. По правде сказать, физика не была моим любимым предметом. Но и не могу сказать, что я находил скучной зубрёжку законов термодинамики или формул средней скорости, вовсе нет. Всё было намного прозаичнее: у меня не сложились отношения с учительницей. Не знаю почему, но она сразу меня невзлюбила и «валила» даже тогда, когда я отвечал правильно.

Угли взаимной ненависти тлели долго, и костру представилась возможность разгореться с новой силой.

Учительница вызвала меня к доске и попросила дневник. Это было обычной практикой, все ребята были к этому готовы, но не в моём случае. При первой удобной возможности учительница оставляла в моём дневнике огромное количество замечаний, написанных красной ручкой, чтобы их невозможно было не заметить. Она писала обо всём: о моих опозданиях на урок, даже если я заходил в класс всего лишь на минуту позже, о том, что я разговаривал на уроке, а также о том, что я был пассивен и слушал её невнимательно.

В какой-то момент я перестал придавать этому значение, и мне было безразлично, какую оценку она мне поставит.

* * *

Я стоял у доски и уже собрался отвечать, но не успел: учительница издала истошный крик, и я едва разобрал собственную фамилию.

Повернувшись, я увидел на её столе мой дневник и вывалившиеся из него эротические фотографии. Я понял, что дела плохи и записью в дневнике уже не отделаться. Смысла оправдываться не было, и я стоял молча, глядя ей в глаза. С каждой секундой неистовство учительницы нарастало, она теряла контроль.

Её губы побелели, лицо покрылось пятнами и изменило цвет, а за запотевшими стёклами очков её глаз почти не было видно. Она схватилась за сердце, и мне показалось, что она вот-вот упадёт в обморок.

Не знаю, как так вышло, но я положил эротические фотографии в свой дневник и забыл о них. Злой рок, не меньше.

На следующий день маму вызвали в школу для проведения воспитательной работы. Она, в свою очередь, придя домой, стала воспитывать меня, и я снова стоял в углу на горохе.

Я посчитал, что на этом конфликт исчерпан, но ошибся.

На следующий день на уроке географии дверь в класс внезапно распахнулась, и вошли несколько человек. Это была представительская делегация: директор школы, завуч и учительница физики. Также с ними пришли наши кураторы — та самая пара комсомольцев-активистов, которых я вряд ли когда-то забуду.

Пришли они по мою душу.

Меня вызвали к доске и рассказали классу о случившемся, будто никто не знал об этом.

Я не был готов к такому повороту событий и чувствовал себя ужасно, мне хотелось провалиться сквозь землю.

Учительница физики обратилась ко мне и, дрожа от возмущения, спросила, не стыдно ли мне за свой поступок и не хочу ли я покаяться.

Я ответил, что мне стыдно, попросил у неё прощения и пообещал, что впредь ничего подобного не повторится. Мне казалось, что моих извинений и чистосердечного признания будет достаточно, но я ошибся. Учительница не унималась и пожаловалась, что после случившегося не спала всю ночь.

Сейчас, конечно, я задал бы ей уточняющий вопрос: что именно лишило её сна — угрызания совести за то, что устроила мне публичную порку, или внезапное вождение от увиденного на фотографиях?

Но тогда я чувствовал себя потерянным и думал о том, чтобы поскорее закончилось это судилище. Но оказалось, что главное было ещё впереди.

Следующими слово взяли наши кураторы — комсомольская пара. Они рассказали о несоответствии моего поведения принципам морали и кодексу пионера, а также добавили что-то о тлетворном влиянии подобного контента на детскую психику. Они были настолько убедительны,

тельны, что я стал сомневаться: точно ли их я видел в Ленинской комнате и не мог ли я ошибиться? Я не понимал, как они могли упрекать меня за то, чем занимались сами. Но, видимо, могли. Я был поражён уровнем цинизма, который они демонстрировали, и, не найдя что ответить, молча опустил голову. Я не пытался защищаться, наивно полагая, что позиция молчаливого согласия позволит мне сохранить человеческое достоинство и избежать наказания. И снова я ошибся.

— Ты запятнал честь пионера, и поэтому мы исключаем тебя из наших рядов. Больше ты не пионер! — это были последние слова, которые я услышал от «наставников».

Они подошли и сняли с моей шеи пионерский галстук.

Я пришёл домой и всё рассказал маме. Она сильно плакала и ругала меня, но внутри меня что-то надломилось, я чувствовал себя опустошённым, и мне было уже всё равно.

* * *

После случившегося я сделал один важный вывод: играть роль жертвы, соглашаться со всем, в чём тебя обвиняют, надеясь на снисхождение и милость победителя, — позиция слабая и деструктивная. Только уверенность в своей правоте и решимость отстаивать своё мнение заставят людей, если не уважать вас, то как минимум считаться с вами.

«У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье и теперь получите войну»².

² Цитата принадлежит Уинстону Черчиллю. Он произнёс её в 1938 году в палате общин, критикуя политику Адольфа Гитлера.

9. Барабан

Зачастую я наделяю людей качествами, которыми они не обладают, и каждый раз переживаю, когда приходит разочарование. Я хотел бы доверять людям больше, чем они того заслуживают. Хотел бы верить, что их слова не расходятся с делом, и они говорят действительно то, что думают, а не то, что от них требуют.

Я высоко ценю в людях такое важное качество, как щедрость. Мне близки по духу те, кто думает и заботится не только о себе, но и о других. С детства я на дух не переношу жадных людей, которые и шагу не сделают, если не увидят в том выгоды для себя.

Высоко ценю людей тактичных и воспитанных, которые заботятся о том, чтобы своими действиями не причинить другим дискомфорта.

Мне приятно видеть, как они, не раздумывая, извиняются, если кого-то нечаянно толкнули или наступили на ногу, и не проходят мимо, делая вид, будто ничего не произошло. А если им помогли, то благодарят незамедлительно.

С глубоким уважением отношусь к тем, кто умеет прощать. Стараюсь поступать так же, если поступки людей не нанесли мне большого вреда.

Я признателен маме за то, что она научила меня в детстве всем этим, казалось бы, простым истинам. Этому я теперь учу своих детей.

* * *

Эту историю я сам не помню, её мне рассказала мама.

Дело было в яслях, во время полдника. Я сидел за одним столом с другом, с которым мы были не разлей вода. Всё было как обычно, и ничто не предвещало бури. Но товарищ совершил ошибку, после чего наша дружба больше не была такой крепкой.

Как ни в чём не бывало он залез ко мне в тарелку и оттяпал ложкой половину моей запеканки. Я не стал ждать: деревянная машинка, что была у меня в левой руке, полетела в него со всего маха. По всей видимости, уже тогда я придерживался принципа: чужого нам не надо, но и своё не отдадим. С раннего детства я не воспринимал грубость и всячески ей противился, поэтому и дал решительный отпор обидчику. Но дети не обижаются надолго, и вскоре мы с товарищем помирились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.